

Торбочка-самобранка

Служил солдат в Санкт-Петербурге лет двенадцать, и определили его в ундер-офицеры. Стали выпускать солдата на побывку. А у царя была дочь и бегала, неизвестно куды. Сколь царь ни старался узнать, куды она бегаёт, не мог. Знахарей призывал, все толку нет. Отпустили ундера домой; пришел он, пробыл сколько надо — пора ворочаться. Пошел назад, и привелось болото обходить. «Дай, думает, перейду!» Идет болотом и видит: трое леших дерутся. Он и говорит им: «Бог помочь вам драться! Из-за чего дело-то?» — «Ах, служивый, рассуди нас, мы тебя давно ждали! Нашли мы три вещи: скороход-сапоги, шапку-невидимку и торбочку-самобранку. Не знаем, как разделить». Солдат и говорит: «Ладно, вот я из казенного ружья выстрелю, кто пулю в болоте найдет скорее, тот две вещи получит». Взял, выстрелил. Лешие кинулись за пулей, а он надел сапоги, шапку-невидимку и сказал: «Торбочка! Со мной!» И ушел от них в Петербург, пока они пулю искали.

Солдат идет и думает: «Теперь я царску дочь укараулю». Пошел к ротному; тот прогнал: «Что ты, говорит, на верну смерть пойдешь!» Он — к батальонному, и тот прогнал. Он — к полковнику, тот царю доложил. Царь призвал солдата. «Можешь?» — «Могу, ваше величество!» — «Ну, на тебе три дни сроку! Кути!» Пошел солдат на базар, погулял, вернулся к царю трезвый. «Что, погулял?» — «Погулял-с, ваше величество!» — «Что же не пьян?» — «А служба-то, ваше величество?» — «Ну, ладно». Отвел ему комнату рядом с дочерней. Через хрустальную дверь все видно, значит, на кровать к ней. Подали солдату самовар и водки и прислугу дали. Только царска дочь идет мимо его комнаты вечером и говорит: «Дайте служивому двенадцать бутылок столовой водки!» Принесли. Солдат не столь пьет, сколько в торбочку льет. Лег, свалился, притворился пьяным, на карачках ползат. Уложили его на кровать. Он одним глазом сквозь дверь смотрит. Вот царска дочь подошла к нему, полáпала, а он сопит, как пьяный. Пошла она в свою комнату, позвонила. Явился человек. «Принеси мне двенадцать пар башмаков!» Явились двенадцать пар башмаков: одни — на ноги, а остальные в салфетку. Взяла их под мышку, открыла под кроватью западную и в нее ушла. Солдат надел сапоги-скороходы, шапку-невидимку и — за ней. Она башмаки сносит, бросит, други наденет, бежит. Солдат — за ней, не отстает: «Торбочка, собирай башмаки!» И приходят в Медный сад. Солдат

думат: «Надо хоть яблочко сорвать». Подошел к прекрасному дереву, цоп яблоко. Вдруг зазвенели струны, в бубны ударили, началась тревога. Дочь царска думает: «Если дальше пойду — узнают, куда я хожу. И с чего такая тревога?» Взяла и воротилась. Всю дюжину износила.

Солдат прежде ее бросился в постель и опять спит. На другой день опять солдата угостить вздумала царская дочь: послала ему двадцать пять бутылок заграничной наливки. Он вылил девять бутылок в торбу и притворился, что пьян. Ночью опять в хрустальную дверь смотрит. Вот царская дочь подошла к нему, видит, что он спит, зазвенела в пружину. Вышел человек и принес по ее приказу двадцать пять пар башмаков. Она взяла одну пару, надела, остальные — в узел, и ушла. Солдат за ней. Приходят в Серебряный сад. Захотелось солдату хоть яблоко сорвать. Цоп два в карман! Струны зазвенели; царская дочь испугалась: «Пожалуй, поймают меня, узнают, куда бегаю. Дай ворочусь!» А пробежала она двадцать четыре тысячи верст. Вернулась назад, последнюю пару надела — и дома, а солдат прежде нее залег. На третье утро принесли ей сорок пять пар, и прибежали они с солдатом в Золотой сад. Он опять яблоко цоп в карман. Струны зазвенели, царская дочь испугалась, побежала домой, а солдат прежде нее вернулся, опять завалился спать. На другой день царская дочь ему еще вина прислала; а он притворился, что спит крепко. Выпросил солдат у царя четвертую ночь. Как ночь пришла — он опять за ней. А царская дочь велела себе принести семьдесят пять пар башмаков. Пробежали они Медный сад, пробежали Серебряный сад, пробежали Золотой сад, приходят к огненному морю, и на нем стоит огненная колесница. Она села в нее, и он за ней прыг: «Трогай, белоно́гой! На дворе не поздно!» Дочь царская дивится, кто это такой. Переехали на ту сторону, выходит человек и сводит царскую дочь за руки. «Пойдемте ко мне, душенька, в дом!» А дом стоит с золотой крышей, невдалеке. Вот и солдат за ними. Первая комната — зала, богато изукрашена. Показал этот самый человек первую комнату. Та дивуется. Повел в следующую, в оде́жную. Солдат и говорит, как они вышли: «Торбочка, забирай!» Та и забрала. Прошли оде́жную, вошли в посудную. «Вот тут у меня, душечка, золотая посуда». Солдат опять, как они в разливную вошли, говорит: «Торбочка, забирай!» Та только стены оставила, все по порядку забрала, и последнюю спальную и тоё. «Что это, — говорит царская дочь, — когда я садилась на колёску, кто-то сказал: "Трогай, белоно́гой! На дворе не поздно?"» — «Это тебе, душечка, помстилось. Пора нам венчаться! Завтра приходи — обвенчаемся». Царская дочь ему и говорит: «Может, я завтра не опоздаю. Какой-то солдат-пьяница приставлен меня караулить». Вышла к

колёске, солдат — с нею, и отправились: «Трогай, белоногой! На дворе не рано!» А тот человек, значит, пошел в дом, видит: нет ничего, одне стены; обернулся шестиглавым змеем и кинулся в погоню, да огнем его опалило. Вышел он на балхон, ударился об землю и расчихся. А царская дочь износила все башмаки, надела последнюю пару, торопится домой. Солдат прежде нее завалился, спит. Утром его не будят; часов в двенадцать присылают на нем генерала, идти к царю. Приходит солдат к царю; тот спрашивает: «Что, укараулил?» — «Укараулил. Позвольте мне очистить во дворце пять комнат!» Очистили. «Велите сенаторов собрать!» Собрали. И стал он рассказывать: «В первый раз дошел я до Медного сада». — «А что бы яблочко принести?» — спросил царь. «Извольте, ваше величество!» Взял и подает медное яблоко. «Во вторую ночь был я в Серебряном саду». — «А что бы яблочко принести?» — «Извольте, ваше величество». И подал серебряное яблоко. «В третью ночь был в Золотом саду». — «А чтобы оттуда яблочко не взять?» — «Извольте». Подал золотое яблоко. «На четвертую ночь проехал я на огненной колёске через огненное море. Эй, торбочка, вынимай!» И полезли из торбочки ковры, посуда, одёжа — все, что за морем у того змея было. «Ну, солдат, — сказал царь, — правда твоя: укараулил. Что же бы ты теперь с моей дочерью сделал?» — «Да что? Велите, ваше величество повесить, так повешу, расстрелять — расстреляю, а велите жениться — женюсь». — «Ну так женись, солдат!» — сказал царь. Он и женился.

Я там был; у меня по усам-то кап, кап, а ему вон один...

(С. Новиковка Самарск. губ. Ставроп. уезда)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.